

ливая женщина-с”, – в смысле то есть чести, так сказать нравственных качеств, а он мне вдруг на то: “А вы ее *щекотали?*”» [Братья Карамазовы. Т. 14. С. 38]; «[Ф.П. Карамазов Миусову] Выходит исправник (...). Я к нему прямо, и знаете, с развязностью светского человека: “Господин *исправник*, будьте, говорю, нашим, так сказать, *Направником!*”» [Там же].

Функция каламбура у Достоевского, заключающаяся в создании комического эффекта, как и вообще функция игрового употребления слова, является далеко не основной. «Игра словами одного корня или близких по звучанию, но не по значению, используется Достоевским для каких-то неясных, но очень глубоких сопоставлений» [4. С. 37]. Например: «[Шатов Хроникёру] Степан Трофимович правду сказал, что я под камнем лежу, *раздавлен*, да не *задавлен*, и только корчусь» [Бесы. Т. 10. С. 111]; «[С.Т. Верховенский П. Верховенскому] Мысль [речь идет о социализме] *великая*, но исповедующие не всегда *великаны*» [Там же. С. 351]; «Из монахов находились, даже и под самый конец жизни старца, *ненавистники* и *завистники* его, но их становилось уже мало...» [Братья Карамазовы. Т. 14. С. 28].

«В произведениях Достоевского надо всем главенствует активный познавательный процесс» [4. С. 31]. Такую функцию игрового употребления слова у писателя также можно назвать познавательной, являющейся разновидностью рефлексии над языком – в том смысле, что игра слов позволяет осуществлять поиск невыразимых нормативным языком смыслов, она, по сути, сама является таким поиском. Это и форма выражения, и форма существования автора в создаваемом им языке, целью которого является стремление изобразить, причем изобразить реалистично, мир персонажа, его внутреннюю речь, часто не подчиняемую никаким нормам и правилам, отсюда – поиск тончайших нюансов значений слова, разрушение замкнутости, стандартности, с помощью чего и познается человек. Приведем некоторые примеры реализации этой функции языковой игры в каламбуре, основанном на многозначности слова: «Пот шел из него каплями; шея была вся смочена. “Ишь *нарезался!*” – крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву» [Преступление и наказание. Т. 6. С. 70]. Раскольников понимает выкрик прохожего *нарезался* в прямом значении, отсюда и его усилившийся страх, и семантическая ассоциация со *смочена*. Еще пример: «Но бабушка моя была вполне *замкнутая*: она была слепа, нема, глуха, глупа, – всё что угодно!...» [Ползунков. Т. 2. С. 7–8].

Отдельным случаем такого рода каламбура является обыгрывание названия (литературного произведения, газеты, журнала и т. п.) или фамилии. Здесь основной уже является комическая функция игры слов: «*Мертвые души!* О да, *мертвые!* Когда похоронишь меня, напиши на могиле: “Здесь лежит *мертвая душа!*”» [Идиот. Т. 8. С. 418]; «Дурные